

— Паршивец! Сколько раз я тебе твердил: не смей соваться сюда после заката! — Голос Липиня громыхнул, едва Сино пересёк порог Подземного алтаря. Воздух в подземелье ощутимо завибрировал от негодования — дух явно был не в духе.

За последние годы Липинь, окружённый заботой и вниманием, заметно подрастерял кротость. Характер его испортился ровно в той же степени, в какой Сино из «малыша» превратился в «паршивца». Впрочем, это тоже можно было считать признаком взросления.

Сино понимал, что бесцеремонно прервал чужой покой, но раз уж пришёл — отступить не собирался. Липинь, уже привыкший к упрямству этого несносного мальчишки, изогнулся и одним прыжком оказался прямо перед ним.

— Ну, выкладывай, зачем явился. И если дело не стоит выеденного яйца, я скормлю тебя своим малюткам, — прошипел он, стараясь выглядеть как можно угрожающе.

Сино лишь спокойно кивнул. Он давно раскусил Липиня: за напускной свирепостью скрывалось доброе, хоть и ворчливое сердце. Пугать его было бесполезно.

— Я хочу понять, как именно эволюционируют насекомые, которыми я управляю, — произнёс Сино, стараясь звучать как можно вежливее. В конце концов, Липинь оставался его главным источником знаний.

От этих слов воздух вокруг Сино задрожал ещё сильнее.

— И тебе не стыдно спрашивать об этом сейчас?! Помнится, когда я распинался перед тобой, ты только и делал, что спал, спрятавшись за своим высоким воротником и чёрными очками! А теперь прибежал выяснять, как развивать Материнское насекомое? Ах ты, негодник!

Ворчливость Липиня росла не по дням, а по часам. Сино лишь мысленно вздохнул. Что он мог поделать? Даже если разум твердил «слушай внимательнее», детское тело брало своё, и он предательски проваливался в сон.

Сегодня на Сино была обычная футболка, и он был без очков, так что Липинь в упор видел, как мальчик виновато поджал губы. Дух поворчал ещё немного, но всё же смилился. Куда ему деться? В этом забытом Подземном алтаре единственным собеседником был этот несносный мальчишка.

— Слушай в последний раз, — начал Липинь, готовясь к долгой лекции. Заметив, что Сино снова начинает смотреть в пустоту, он перешёл к сути: — Пределы эволюции Материнского насекомого у каждого свои. У тебя есть талант, не спорю, но ты плаваешь в азах. И как ты только умудрился додуматься до «Теории бесконечной эволюции»?

Дух тяжело вздохнул и продолжил:

— Про свойства чаккры я тебе уже объяснял. Начинай с малого: постепенно скармливай свою чаккру Материнскому насекомому. Пусть у неё выработается иммунитет. Только тогда она сможет по-настоящему поглощать чужую энергию, не погибая при этом.

Сино кивнул. Он помнил, как во время кормления некоторые жуки буквально лопались, не выдержав напора силы.

— Когда насекомые привыкнут к твоей чаккре, — продолжал Липинь, — начни давать им разные стихии. У клана Абурамэ чаккра обычно нейтральна, но ты можешь попросить товарищей по команде помочь. Пусть у жуков появится устойчивость ко всем видам энергии.

Однако возникла проблема: если обычные насекомые будут эволюционировать бесконтрольно, они могут превзойти Материнское насекомое. Тогда они перестанут подчиняться и начнут отделяться, образуя новые, дикие колонии. Тело Сино было целой экосистемой, и законы природы действовали в нём неумолимо.

«Теория бесконечной эволюции» как раз и заключалась в том, чтобы Материнское насекомое полностью контролировала развитие колонии. На первый взгляд — потеря темпа, но в долгосрочной перспективе выгода была колоссальной. Материнское насекомое становилась не просто лидером, а центром распределения ресурсов, забирая излишки силы у подчинённых особей и становясь всё могущественнее.

— Значит, я должен отдавать всю свою чаккру Материнскому насекомому? — Сино поморщился. Его истинная цель была иной: он хотел сохранить контроль над собственной энергией, чтобы вернуть те боевые приёмы, которыми они владели вместе с Какко в прошлой жизни.

— К чему такие вопросы? — удивился Липинь. — Абурамэ сражаются только с помощью насекомых. Какая тебе разница, куда уходит чаккра?

Сино промолчал, лихорадочно соображая, как объяснить свою позицию, не раскрывая правды. Но тут из его одежды выбрался Какко, чья синхронизация с хозяином недавно завершилась.

— Старый хрыч! Ты что, думаешь, у Сино только жуки есть?! — Какко так и пылал от негодования из-за того, что его проигнорировали. — А про меня ты забыл?!

— А от тебя-то какой прок, малявка? — огрызнулся Липинь.

Сино скрывал истинные способности Какко, опасаясь, что в этом мире, где ценится лишь сила, его сочтут «Одержимым насекомым». Тот понимал эти страхи — хозяин был слишком глубоко ранен людьми из прежнего мира. Дух не винил его за скрытность, он сопереживал ему.

Услышав окрик Липиня, Сино лишь крепче сжал кулаки. Это была старая рана — глубокая, гноящаяся, которую нельзя было бередить. Какко, почувствовав состояние друга, негромко пискнул и юркнул обратно под одежду.

Липинь заподозрил неладное, но расспрашивать не стал. Тяжело вздохнув, он вернулся к теме:

— Если хочешь сохранить чаккру при себе — просто не корми Материнское насекомое. Но имей в виду: она придёт в ярость. И начнёт пожирать всё вокруг.

«Всё вокруг» — это кровь и плоть самого Сино. Мальчик на мгновение задумался, не рискнуть ли, но Какко снова высунулся и больно укусил его за палец.

Намёк был предельно ясен: «Даже не думай». Материнское насекомое затаилась в левом плече, а слева, помимо мышц, находится сердце! Если она обезумит, последствия будут фатальны. Какко мог защищать хозяина только до тех пор, пока насекомое развивалась стабильно.

Сила нужна для защиты, но если она убивает тебя раньше, чем врага — грош ей цена. Какко не собирался потакать такому безумию.

Наступила долгая тишина. Первым её нарушил Какко:

— Старик, неужели нет другого способа?

Сино не успокоится, пока не добьётся своего. Липинь, которого теперь величали не иначе как «стариком», медленно произнёс:

— Способ есть. Но он смертельно опасен. И сейчас я вам о нём не расскажу. Слишком рано.

Липинь явно не лгал, но Сино понял: с синхронизацией придётся повременить. Поспешишь — людей насмешишь, а в его случае — ещё и в могилу сойдёт. Время у него пока было.

Вернувшись домой, Сино залез в свою кровать, но сон не шёл. Он смотрел на луну в окне, ощущая странную пустоту в большом доме.

«Мечта... Пристанище...»

Казалось, он уже нашёл это здесь — любящих родителей, верных друзей.

Почему он так одержим силой? Он ведь давно возненавидел битвы. Но что-то внутри заставляло его двигаться вперёд. Ожидания родителей? Лишь отчасти.

Сино вспомнил тот день, когда ему было всего полгода. Шла война. Отец и мать вернулись домой, с ног до головы залитые кровью. Чужой крови было больше, но была и своя. И даже умирая от усталости, они первым делом подошли к его колыбели, коснулись его щеки и прошептали: «Мы вернулись».

Сино хотел защищать. Своей силой оберегать этот хрупкий мир, свой дом, своих близких. Он не мог позволить всему этому просто исчезнуть.

<http://bllate.org/book/17391/1654510>